

Библиографические ссылки

1. Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018.
2. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. С. 179–204.
3. Киклевич А. К. Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München : Verlag Otto Sagner, 1998.
4. Еемеерен Ф. Х. ван., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки : пер. с англ. СПб. : Васильевский остров, 1992.
5. Nettel A. L., Roque G. Persuasive argumentation versus manipulation // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 55–69.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ПИЩЕБЛОК»

А. В. Сидоренко

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
ул. Могилевская, 37, 220007, г. Минск, Беларусь, a.v.sidorenko@bspu.by*

В работе рассматривается текст романа А. Иванова «Пищевлок», который вызвал живой отклик современного читателя, с точки зрения осуществленной его автором реконструкции языка советского детства 1970–1980-х гг. Текст произведения предельно насыщен лексико-фразеологическими единицами и прецедентными текстами, характеризующими «языковой вкус эпохи», в том числе (и по большей части) именно детский, поскольку главными участниками диалогов являются дети. Основные приметы детского языка описываемого периода на страницах романа: 1) высокая доля слов и устойчивых выражений, относящихся к различным жаргонам (детско-подростковому и криминальному); 2) значительное количество диалогов, построенных по законам фольклорной коммуникации; 3) проникновение в детскую речь словарных единиц «языка Совдепии».

Ключевые слова: советское детство; жаргон; детская речь; детский фольклор.

В романе А. Иванова «Пищевлок» (издан в 2018 г., экранизирован в 2021 г.) воссоздается хорошо узнаваемый зрелым читателем мир позднесоветского детства (основные описываемые события происходят в 1980 году). В центре нашего внимания – создаваемый автором образ языка советского детства, прежде всего в области его лексикона и речевых (во многом фольклорных) жанров. Как именно автор достигает поставленной цели? Какова созданная им речевая картина?

1. В ситуациях неформальной коммуникации (большинство диалогов между детьми) обращает на себя внимание высокий удельный вес слов и устойчивых выражений, относящихся к различным жаргонам – детско-подростковому и подпитывающему его криминальному. Последний имеет широкое хождение в детско-юношеской среде как минимум столетие, о чем говорят многочисленные свидетельства [1; 2]). Эта особенность наполнения диалогов вызвала вопросы и сомнения у некоторых читателей (об этом свидетельствуют отзывы на сайтах книжных интернет-магазинов). В частности, юные пионеры пользуются такими зафиксированными в словарях русского арго лексическими единицами, как *чухан*, *мильтон*, *чмошный*, *очковать*, *старшак*, *защеканец*, *шуба* [3] и др. Факт высокого престижа криминальных установок, криминальной лексики и вообще криминальной субкультуры для детской среды советского и постсоветского пространства хорошо известен, и это находит свое отражение в литературе о детях и юношестве. Так, к соответствующим выводам мы пришли, анализируя роман Ш. Идиатуллина «Город Брежнев», действие которого также происходит в 1980-е гг. [4]. Если говорить собственно о детском жаргоне, то в «Пищеблоке» представлены такие его единицы, как *обаце*, *легкотня*, *зашибонско*, *дряньский*, *нагонять (мяч)*, *тубзик*, *тубзалет*, *стыбзить*, *заманать*, *вожатка*, *зыконски*, *покежь*, *матика*, *русиш*, *защубить*, *золотка*, *пионерское расстояние*, *друган*, *дружбек*, *втопить*, *родаки*, *по-пырому*, *чендобрек*, *подзорвать* и др.

2. Вторая заметная особенность – проникновение в детскую речь словарных единиц «языка Совдепии», советизмов [5]. Понятно, почему Алексей Иванов использует в своем тексте такие слова и выражения, как *пионер*, *партия*, *проработать*, *орлятский круг*, *отдать салют*, *пионерское задание*, *честное пионерское*.

3. Значительное количество диалогов в тексте произведения строится по законам фольклорной коммуникации: персонажи воспроизводят в качестве реплик диалога устойчивые единицы общего коммуникативного фонда. В этом смысле роман «Пищеблок» представляет образцы множества малых речевых (во многом фольклорных) жанров, значительная часть которых еще нашла адекватного и полного описания в работах по детскому фольклору и языку детской субкультуры. Более того, многие из них сегодня уже ушли из актуальной речевой практики детей и подростков, однако частично еще содержатся в пассивном запасе «рожденных в СССР». Сегодня основным местом быто-

вания такого рода текстов являются тематические интернет-форумы, посвященные советскому детству.

Начнем с жанров, тексты которых «произносятся в речевом контексте» (Б. Н. Путилов называет их «речевыми», или «коммуникативными», жанрами фольклора) [6, с. 101–102]. По определению Б. Ю. Нормана, это «стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов» [7]. Таковы правовые приговоры типа *Жопу поднял – место потерял!* (формула, обосновывающая право занять место вставшего со скамейки, стула и т. п.), *Собакам на драку!* (выражение, предшествующее выбрасыванию некоего предмета, который достается самому быстрому или ловкому из претендентов на обладание им); *Чур, мое!* (формула присвоения собственности); *Первое слово дороже второго!*, *Первое слово съела корова!* (формулы, с помощью которых определяется приоритет той или иной реплики); угрозы: *Закрой рот – кишки простудишь!*, *В пачу втащу!*, *Зубы жмут?*; формулы отказа или несогласия: *Соси банан!*, *Говна-пирога!*, *Только шнурки поглажу*; клятвы *Кто обманет, тот и съест!*, *Слово пацана!*; попрошайки *Сорок восемь – половину просим!*; отговорки *Неграм слово не давали!*; *Кто тоже, тот говно гложет!*; дразнилки *Обезьяна Чи-чи-чи продавала кирпичи!*. Отдельно в этой группе укажем на вопросно-ответные испытания – этот речевой жанр активен в криминальной и детской среде, на что впервые, по-видимому, указал Г. А. Левинтон [2, с. 99]. В следующей сценке один из персонажей романа, хулиган Бекля, рассказывает о подобных «тюремных» испытаниях:

– *Вот прикинь, Валерьян, когда тебя в тюрьму посадят, ты пришел такой в камеру, а там тебе дают венки и говорят: «Это гитара, сбайай». Че делать будешь? <...>*

– *Надо отдать венки и сказать: «Сначала настрой!», – сам себе ответил Бекля. – А если тебе нарисуют на стене футбольные ворота, дадут мяч и скажут: «Забей гол!» И че, какая у тебя популяция? <...>*

– *Надо сказать: «Спасуй мне!», – не унимался Бекля. – А если в камере на тебя залезут верхом и скажут: «Ты автобус, вези до остановки»? Ты такой довед до стены, а тебе говорят: «Это не моя, поехали дальше!» А ты че? <...>*

– *Надо сказать им, что остановка конечная, – терпеливо довел поучение Бекля.*

Цель такого рода жанра – проверка испытуемого для определения его будущего статуса.

В другой сценке представлена ритуальная последовательность вопросов, характерная для ситуации встречи незнакомых мальчиков-подростков-юношей:

– *Ты где живешь?* – допытывалась Жанка.

– *На «Стошке», – с гордостью отвечал Гельбич.*

«Стошкой» называли поселок «Сто шестнадцатый километр». Откуда отсчитывался этот километр, никто не ведал. Хулиганы из неблагополучной «Стошки» славились своей храбростью и доблестью.

– *Кого знаешь?*

– *Сику знаю. Бокса. Баллона.*

– *А Беклю знаешь?*

– *Мой друган.*

Жанка улыбалась. Ответы Гельбича ее полностью удовлетворяли, и сам Гельбич был ничего такой – высокий, нормальный. Проверка пройдена.

В тексте романа А. Иванова эта последовательность вопросов имеет несколько необычное (окрашенное чем-то вроде флирта) обрамление, осложненное ситуацией «знакомства» разнополюх персонажей; позиция задающего вопросы (сильная позиция), которую занимает Жанка, объясняется ее самоидентификацией как «плохой девчонки». Анализ канонического варианта подобной сценки представлен в нашей работе [4].

К этой группе жанров примыкают шуточные приговоры, произносимые в разных ситуациях: *Иду – темно! Смотрю – пятно! Нюхнюх – говно! Ням-ням – оно!* (произносится в темноте); *Открывайте шире двери, а то повара съедим!* (при входе в столовую пионерского лагеря; по-видимому, это речевка).

Другую группу составляют тексты жанров, функционирующих в каких-либо специальных ситуациях (игра, загадывание и т. п.) либо имеющих доминантную эстетическую функцию: считалка: *Арбуз, дыня, жопа синя!*; заманка (поддевка): *– Скажи клей. <...> / – Ну, клей. – Выпей баночку соплей!..*; садистский стишок: *Девочка Жанна купаться пошла, в среду нырнула, в субботу всплыла*; загадка: *Сколько китайцев нужно, чтобы вкрутить лампочку?*, *Что такое сверхскорость?*; городская легенда (о жвачке, в которую враги-иностранцы помещают лезвия; о «красной пленке» для фотоаппарата, с помощью коей можно делать снимки, на которых люди оказываются без одежды, и т. д.; см. недавнюю работу на тему [8]); различные мифологические практики (с участием чертика, гномика).

Общей чертой «языка советского детства», реконструируемого писателем, оказывается высокая доля «неспонтанных форм устной речи», в основном фольклорных [9, с. 55]. Очевидно при этом, что писатель ставил себе целью (как у него это получилось – предмет отдельного разговора) изобразить живую естественную речь описываемого периода. В свете всего сказанного возникает вопрос о том, в какой степени изменилась детская речь за последние 30–40 лет. Меньше ли стало в ней неспонтанных, клишированных, фольклорных форм? Судя по тому, что значительная часть наследия детского фольклора уже утрачена, на этот вопрос напрашивается, хотя и очень осторожный и требующий более основательных исследований, но все же утвердительный ответ.

Библиографические ссылки

1. Борисов С. Б. Русское детство XIX–XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. С. 374–376.
2. Левинтон Г. А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура? Обсуждение статьи Л. Самойлова «Этнография лагеря» // Советская этнография. 1990. № 2. С. 96–100.
3. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
4. Сидоренко А. В. Роман Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» как энциклопедия речевых жанров советского детства // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Стерлитамак, 25–26 октября 2018 г. / отв. редактор Э. А. Радь. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2018. С. 246–248.
5. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. М. : Фолио-Пресс, 1998.
6. Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики. Курс лекций / науч. ред. А. Ф. Некрылова. СПб., 2006.
7. Норман Б. Ю. Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 222–237.
8. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи : городские легенды и страхи в СССР. М. : НЛО, 2020.
9. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : Сборник статей. М., 2005.
10. Лойтер С. М. Некоторые общие проблемы изучения и издания детского фольклора // Рябининские чтения – 2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник "Кижи"». 2011. С. 319–322.